

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-139-153

Евразийство и геополитика: социальные мифологемы пространства*

К.В. Радкевич, А.В. Шабага

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: radkevich@rambler.ru; schabaga@gmail.com)

В статье исследуются истоки возникновения евразийства как социальной доктрины, появившейся в качестве ответа на западные геополитические концепции, в частности, англо-саксонскую и германскую. Обе концепции служат оправданием социальных институтов и объединений на основе различия пространств Восточной и Западной частей Евразии. Авторы утверждают, что базой геополитики как западноевропейского, так и восточноевропейского типа являются мифологемы, которые, хотя и претендуют на научную значимость, по своей природе не способны достичь этого статуса. В статье показано, что обоим направлениям свойственны: (1) изобретение идеальной вне-временной родины общества на основе мифологической трактовки пространства; (2) претензия на сакральное знание (через сакрализацию пространства), являющееся в действительности профанным. Характерное различие между западными геополитическими школами (англо-саксонской и германской) и евразийством заключается в определении связи между пространством и конкретным социумом. Геополитика исходит из постоянства пространственного противостояния как причины социально-политической конкуренции. Геополитическая оценка действительности сводится к необходимости наступательных действий по отношению к «чужому» пространству, которое считается изначально, «естественно» враждебным. В этом смысле геополитическая наступательность вплоть до агрессивности контрастирует с оборонительным характером евразийства, которое утверждало, что пространство объединяет общества со схожими ценностями, соответственно, эти общества должны защищать свое пространственное месторазвитие от посягательств стран Запада. Таким образом, атлантизм — глобальный проект современной геополитики Запада — находится в принципиальном противоречии с евразийством, не приемлющим гегемонизма и отстаивающим принцип многополярного мира. В настоящее время градус конфликта между проектами невысок, но и перспективы его прекращения пока не просматриваются.

Ключевые слова: социология политики; социальные мифологемы пространства; евразийство; западная геополитика; атлантизм; герменевтика геополитики; месторазвитие

Сто лет назад, в 1920 году, Н.С. Трубецкой издал в Софии труд «Европа и человечество», положения которого в дальнейшем стали основаниями евразийской теории [16. С. 3]. Сегодня, рассматривая работу Трубецкого в исторической перспективе, можно утверждать, что она стала ответом на вызов, некогда брошенный западной геополитикой и затем оформившийся в атлантизм. Разумеется, можно усомниться в исходных основаниях тех направлений общественной мысли, где социально-политические решения

* © Радкевич К.В., Шабага А.В., 2021

Статья поступила 11.10.2020 г. Статья принята к публикации 03.12.2020 г.

предопределены диктатом пространства. Но трудно отрицать то значение, что они приобрели в XX веке, противостоя друг другу теоретически и практически — как два соперничающих извода одной социальной науки. Наряду с западной геополитикой, пустившей корни даже в формате учебной дисциплины в учреждениях высшего образования, в России давно существует ее особая ветвь, известная как евразийство. В статье мы сопоставим евразийство с англо-саксонской и германской версиями геополитики, исследуем истоки двух направлений и покажем их инструментальное значение.

Этимологически и содержательно геополитика связана с возникшей ранее политической географией. Задача этой науки состояла в объяснении социально-политической специфики региона особенностями его географии. Впервые на необходимость развития этой сферы научного знания указал выдающийся русский историк и политический деятель В.Н. Татищев: «Политическое Географіи описаніе представляет селенія, великія и малыя, яко грады, пристани и пр., правительства гражданскія и духовныя, способности, прилежности и искусства, въ чемъ либо того предѣла обыватели упражняются и преимуществуютъ, яко же ихъ нравы и состоянія, и как сіи обстоятельства по временамъ премѣняются» [17. С. 501]. Введенный Татищевым термин «политическая география» оказался весьма востребованным: в XVIII веке его использовал французский ученый и политический деятель А.Р.Ж. Тюрго, а в XIX веке немецкий ученый К. Риттер не только превратил политическую географию в научную дисциплину, но и заложил на ее основе принципы геополитики.

Геополитика получила достаточно широкое распространение, в результате чего в современном мире для обоснования социально значимых решений часто прибегают к ссылкам на некие геополитические причины, в которых, во-первых, социальное (в виде политического) подчинено глобальному (геопричинам); во-вторых, отношения между социальными субъектами представлены в виде бинарной оппозиции «свой–чужой». Таким образом, социальное бытие предстает как постоянный политический конфликт, который иногда затихает. Однако, поскольку причины, его породившие, могут только меняться, а не исчезать, эти затишья на практике носят временный характер.

Геополитика объясняет природу этого неизбежного конфликта как противостояние неких пространств: они с необходимостью противостоят друг другу, влияя прямо или косвенно на общество и на мировую политику — посредством формирования внутри пространств таких обществ, которые некоторым образом конгруэнтны своим пространствам. Из этого делается два вывода: во-первых, каждое пространство формирует психотип населяющего его общества (например, степняка-кочевника, оседлого земледельца или торговца-морехода), а психотип порождает институциональную специфику социума, которая, в свою очередь, влияет на особенности образования государства и своеобразие его политики. Во-вторых, поскольку пространства различаются, населяющие их народы должны находиться в принципиальном

противоречия между собой (прежде всего, это аксиологические противоречия, которые порождают все остальные, включая политические).

Существует множество геополитических интерпретаций мировой политики. Их направленность и специфика, как правило, зависят от школ, к которым принадлежат исследователи, но объединяющим моментом всех школ является то, что они основаны на мифологемах. Возьмем наиболее известную сегодня англо-саксонскую школу: в ее основе лежит утверждение об исконном противостоянии моря и суши. Природу этого противостояния всегда оставляют за скобками, надеясь на эрудицию слушателя или его способность к ассоциативному мышлению. Подобный подход обычно бывает оправдан, так как услужливая память напоминает о первой книге Бытия, согласно которой в третий день творения Господь отделил сушу от моря: «И рече Бог: да соберется вода, яже под небесем, в собрание едино, и да явится суша. И бысть тако. И собрася вода, яже под небесам, в собрания своя, и явися суша». Тем, кто не обременен знанием библейских сюжетов и книги Бытия, предлагается опереться на бытовой опыт, согласно которому вода и суша представляют собой две противостоящие субстанции, определяющие разные качественные состояния пространства. Это противопоставление привело к объявлению «естественности» политического противостояния моря (островных государств — Великобритании и США) и суши (континентальных государств Евразии).

Разведя два состояния вещества до уровня пространственных качеств, сторонники англо-саксонской школы перенесли их на общества, которые, по их мнению, напрямую зависят от соответствующих пространств. Известный ученый и политический деятель XVII века Д. Ивлин в работе с характерным названием «Навигация и коммерция, в которой право Его Величества на доминирование на море защищается против новых норм права и более поздних претендентов» провозгласил: «so True is another Axiom, Qui MARE tenet, eum necesse esse rerum potiri; but, without which, 'tis in vain to talk of Sovereignty» [23. С. 69], т.е. тот, кто контролирует море, властвует над всеми, и без морского владычества бессмысленно говорить о подлинном господстве. Заметим, что, провозглашая особый статус морского доминирования, Ивлин опирался на авторитет Цицерона, извлечение из письма которого к Аттику он включил в состав своей «аксиомы». В дальнейшем «аксиома» Ивлиева будет использована Х. Макиндером, но пока обратим внимание на выделение моря как главного пространства обитаемого мира, обладающего заведомым преимуществом относительно суши. Развивая этот подход англо-саксонские геополитики пришли к выводу о принципиальных и даже непримиримых противоречиях между «морскими» и «сухопутными» обществами. Роль регулятора этого антагонизма была отведена конфликту, который должен привести к окончательной или временной победе той или иной стороны. Примечательно, что первоначально англо-саксонское направление было далеко от мифологии. Американский адмирал А. Мэхэн, рассуждая о преимуществах морской мощи, опирался, прежде всего, на географические и стратегические положения [9. С. 17]. Но его идеи о

морских пространствах были не только подхвачены, но и гипостазированы с помощью библейских ассоциаций. Простота и наглядность такого объяснения сложных социальных явлений была столь заразительна, что привлекла сторонников других геополитических школ.

К ним относилась и не менее известная в свое время немецкая школа, основы которой заложил географ К. Риттер, предложивший все биологические и социальные процессы воспринимать в понятиях пространства, так как это следует «из природы самого объекта» [30. С. 207]. Он полагал, что государство (как и Земля в целом) схоже с живым организмом, обладающим соответствующими органами, за которыми закреплены специальные функции. Уподобление государства организму привело Риттера к заключению, что их естественное развитие неизбежно приводит к борьбе за среду обитания или жизненное пространство (*Lebensraum*). В дальнейшем в германской геополитической традиции противостояние пространств и населяющих их обществ стало объясняться особыми связями, которыми каждый социум связан с землей, его породившей. Различие почв, якобы вошедшее в кровь каждого социума, порождает различие ценностей и интересов, что предопределяет непримиримое соперничество обществ и государств, закономерно ведущее к борьбе за расширение «своего» пространства за счет «другого». Теоретически это не вполне последовательно, поскольку концепция тесной связи социума с землей должна была бы конфликтовать с идеей захвата чужих территорий, чего создатели теории кровной связи общества с пространством не замечали. Лишь после военно-политического краха Германии, в ходе двух мировых войн лишившейся значительной части территорий, несостоятельность этих построений стала очевидна для всех.

Англо-саксонские идеи также нашли свое место в германской геополитической мысли XX века, но весьма специфическое. Такие геополитики, как К. Хаусхофер и К. Шмитт, просто поменяли знаки местами: то, что было плюсом у англосаксов, стало минусом у немцев. Немецкие геополитики провозгласили примат континентализма, а морскую мощь и торговлю (у англо-саксонских геополитиков это предпочтительная основа мировой политики) связали с торгашеским «духом» британцев, несовместимым с принципами политического действия. Шмитт также указал, что в XX веке недопустимо считать море элементом или стихией — его, наряду с землей и воздухом, следует воспринимать как пространство, вмещающее человеческой активности, направленной на достижение политического господства [31. С. 1].

Еще одно концептуальное заимствование немцев у англосаксов — использование идеи оси, но в континентальном духе. Если англосаксы представляли военно-политическую ось как некое подобие земной оси, то германские геополитики выстраивали свои оси преимущественно в широтном направлении. Нам известен один экзотический проект, смысл которого заключался в частичном осушении Средиземного моря и сухопутном объединении Европы и Африки в новую часть света — Атлантропу, которая сумеет выдержать

геополитическое противостояние Азии и Америкой [32. С. 983–987]. Остальные немецкие политические деятели, выстраивающие свои концепции в геополитическом ключе (К. Хаусхофер, Э. Никиш) полагали, что меридианальные оси дают преимущество морским державам, способным контролировать водные коммуникации Америки и Африки, а для континентальных работает только широтный принцип объединения. В 1939 году Хаусхофер предлагал рассмотреть «совершенно трезвым взглядом геополитическую силу Евразийского пакта», который предлагал заключить Германии, СССР и Японии в борьбе против англо-саксонских стран [18. С. 380]. Никиш, придерживавшийся социалистических взглядов, делал упор на азиатское направление. В 1935 году в беседе с Б. Муссолини, критикуя внешнюю политику Гитлера, он отстаивал необходимость объединения пролетарских народов Италии, Германии, России и Японии, уверяя, что «этому союзу не было бы равных; ему никто не смог бы противостоять, он смог бы победить Англию и Америку в Азии, равно как и в Европе» [10. С. 399], с чем бывший марксист Муссолини, некогда редактировавший социалистическую газету «Avanti!», был, по крайней мере на словах, согласен. Отметим, что современные им советские марксисты геополитикой не увлекались, а если и размышляли о пролетарском объединении в континентальном масштабе, то с востока на запад. Вот характерная для того времени поэтическая цитата, фиксирующая противостояние континентальных и морских держав: «Но мы еще дойдем до Ганга, но мы еще умрем в боях, чтоб от Японии до Англии сияла Родина моя» [5].

В целом на востоке Европы идея осевой организации социально-политического пространства воспринималась крайне скептически, поскольку это действительно был странный конструкт. Остается только удивляться тому, что он до сих востребован в социально-политическом анализе. Первым, кто ввел в науку понятие стержня (*pivot*), определяющего мировую политику, был Х. Макиндер. Будучи географом, он назвал этот стержень (ось, точку опоры, вращения) географическим. Ось, вокруг которой якобы вращалась мировая история, Макиндер поместил в глубины Северной Евразии и назвал окружающие ее территории сердцевиной землей (*heartland*). После, оттолкнувшись от идей Ивлиева, он выдвинул собственную «аксиому», которую должен постоянно держать в голове каждый государственный деятель европейского Запада: тот, кто властвует над Восточной Европой, управляет хартлендом; кто управляет хартлендом, тот господствует над морскими державами; кто господствует над морскими державами, властвует во всем мире [27. С. 191].

Конечно, это сомнительное утверждение, не способное выдержать сколь-нибудь основательной исторической проверки, что неудивительно, так как идея некоей географической точки, определяющей образование хартленда, — откровенная спекуляция. Ее появление связано с объяснениями того, почему Россия неприступна для западных держав в целом и для Англии в частности. Рассуждая о неудачах Карла XII и Наполеона, Макиндер указывал, прежде всего, на несоразмерность пространств, куда вторгались эти незадачливые

герои. И хотя впоследствии и сами пострадавшие, и их многочисленные биографы высказывались в том духе, что у них и в мыслях не было так далеко забираться и они хотели решить судьбу кампаний в генеральном сражении неподалеку от своих границ, шведы и французы были втянуты самим пространством в его бескрайние русские просторы и растворились в них. Неизвестно, знал ли Макиндер о знаменитом высказывании Александра I, что он готов отступить хоть до Камчатки, но ни за что не подпишет мира с французами до того, как они покинут территорию России, хотя это была бы неплохая иллюстрация его идеи.

Также не совсем понятно, почему Макиндер, пространно рассуждая о российской истории от войн с половцами до гитлеровского нашествия, не предложил хартлендовское объяснение провалов английских вторжений в ходе Крымской войны. Англичане с союзниками потерпели неудачу на Балтике и Белом море, и их усилия по вторжению в Россию со стороны Тихого океана привели к занятию пустого места, на котором стоял Петропавловск-Камчатский: жители к этому времени были эвакуированы на Амур и вглубь России, а город разобран и частично сожжен. Английская пресса заполнилась желчными издевками при известии, что возглавлявший союзников адмирал Д. Прайс, увидев укрепления еще не разобранного Петропавловска, застрелился, а эскадра после двух неудачных попыток штурма города не смогла найти отошедшего противника и в его поисках заплутала в морских просторах. Заметим, что с точки зрения Макиндера Камчатка должна была восприниматься как весьма близкое место к хартленду. Кроме того, нет никаких свидетельств того, что неудачу белого движения в ходе гражданской войны Макиндер связывал с тем, что большевикам удалось к концу 1919 года захватить хартленд. Это тем более удивительно, что он принимал непосредственное участие в белой интервенции, будучи «верховным комиссаром» Британии на оккупированном странами Антанты юге нынешней Украины.

Вероятно, это молчание связано с тем, что основные работы о хартленде были написаны в то время, когда Англия и Россия состояли в союзе (в Антанте и антигитлеровской коалиции) и потому рассуждать об их геополитических конфликтах было политически неправильно. Хотя провокативность тезиса о хартленде все равно была вполне очевидной. Во всяком случае, эпизод с Крымской войной был бы более нагляден, чем попытка пояснить свою мысль посредством образного сравнения Франции и России — как обладающих схожими паттернами: если Франция защищена со всех сторон, кроме северо-востока, морями и горами, то в России география позаботилась обо всех сторонах света, кроме запада [27. С. 199]. Поэтому восток являлся опорой России в случае вторжений с Запада, представляя собой глубокий тыл, чуть ли не бесконечно расширяющий ее защитный потенциал. В своей поздней работе, написанной во время Второй мировой войны, Макиндер попытался даже установить «ось оси» — «the very pivot of the pivot areal» [27. С. 200], которой он назначил Южный Урал, что вполне соотносилось с военно-

политическими реалиями того периода. Эвакуировав значительную часть своей индустрии в уральский регион, Советский Союз смог не только восстановить свое военное производство, но и значительно нарастить его, что сыграло важную роль в войне с Германией.

Отметим, что, хотя этот пример является хорошей иллюстрацией доводов Макиндера, он рассуждал о природе политики исключительно в имперских категориях — как о борьбе за первенство в глобальном масштабе и жизненно важные для Британии предельные точки. Кроме того, Макиндер был склонен к вольным интерпретациям мировой истории, делая смелые и необычные умозаключения. Вероятно, в основе рассуждений Макиндера лежат древние представления о Земле как средоточии мироздания, вокруг которой обращается вся небесная сфера. В этом ключе общества древности воспринимали свои священные места, наделяя их своеобразными «осевыми» качествами: так, греки воспринимали омфал Дельфийского храма Аполлона, считая его пупом Земли; китайцы, подобно грекам отделявшие себя от инокультурных «варваров», функции центра мироздания выполняла гора Тайшань; для большинства населения в качестве «религиозной оси» Земли выступает Иерусалим. Объединив эти представления с географическими трактовками условной земной оси, Макиндер установил «географическую ось истории». В дальнейшем возможностями такого метода, с помощью которого можно было доказать все, что угодно, воодушевился К. Ясперс: он занялся установлением осей времени, которые, сменяясь в соответствии с актуальными запросами, определяют направление развития обществ, т.е. Ясперс уподобил социальную жизнь телеге, оси которой можно менять сообразно текущим надобностям [20. С. 78–93]. Ясперсовские конструкты весьма причудливы, но сравнительно безобидны, поскольку значимой характеристикой его осей выступает абстрактная категория времени, т.е. у их создателя нет стремления противопоставить одну ось другой или, измеряя близость/удаленность какого-либо народа к оси, давать ему некую принципиальную характеристику.

Н. Спикмен, младший современник Макиндера, решил довести его идеи до логического конца и дополнил концепцию пространственной доминанты хартленда, восходящую к временам гражданской войны в США и работе А. Мэхэна, стратегией анаконды. Образ анаконды возник в журналистской среде в период гражданской войны в США: газетчики применили к плану генерала северян У. Скотта (водная блокада южных штатов) образ анаконды, постепенно удушающей жертву в своих объятиях. В изложении Спикмена контаминация хартленда и анаконды усиливала оппозицию хартленда и периферии, перенося акцент на последнюю. Спикмен предлагал оформить периферию (*rimland*) как единое военно-политическое образование, которое должно сжать хартленд до его полного подчинения периферии, изменив, тем самым, социально-политическую картину мира, поскольку не только пространство влияет на социум, но и социум может изменять вмещающее его

пространство [14. С. 181]. Иными словами, Спикмен хотел политической исправить ошибки географии.

Военно-политическим следствием этих взглядов стало окружение хартленда (СССР) цепью союзных США военных блоков и американских баз. Конечно, нет никакой уверенности, что президент Г. Трумэн, при котором окончательно сложилось кольцо враждебных государств и военных баз вокруг СССР, был знатоком геополитики и ориентировался на макиндеровские идеи. Вероятнее всего, он руководствовался идеей стратегического окружения политического противника и не думал ни о каком хартленде. Но геополитический фон, задаваемый Макиндером и Спикменом, в том числе в рамках курсов, которые читались в американских высших учебных заведениях, и статей, публиковавшихся в претендующих на научный статус журналах, во многом определял освещение военных решений правительства в якобы научном духе.

С. Коэн дополнил геополитический конструкт понятием геополитических регионов, очертания которых напоминают тектонические плиты [21. С. 29; 22], вследствие чего возникают ассоциации, что политическое противостояние имеет более глубинные корни, поскольку определяется не только географией, но и геологией. Если наши предположения верны, то остается сделать только шаг, чтобы вывести антагонизм на космический уровень, объясняя природу современных конфликтов особенностями вселенских сил, результатом которых стало возникновение Земли. Отметим, что, невзирая на новое «геологическое» деление, Коэн, как и его предшественники, истолковывает науку о Земле посредством политики, хотя, если исходить из названий книг, статей и самой науки, должно быть наоборот. Ключом к объяснению этого странного на первый взгляд истолкования является деление семи (как и материков) геополитических регионов на две противостоящие геостратегические области: к одной относится классическая в политическом отношении Евразия (хартленд, Восточная Европа, Восточная Азия), к другой — остальной мир, определяемый через морские и прибрежные категории.

Отсюда оставался шаг до геополитического обоснования атлантизма — теории, провозгласившей существование новой — атлантической — оси, противопоставлявшей и даже, в какой-то мере, упразднявшей прежнее понимание хартленда (Д. Мэйниг [29. С. 569], У. Кирк [26. С. 17–21], Я. Гоблет [24. С. 191]). Смысл теории сводился к тому, что каждый из двух соперничавших центров стремился к своему граалю: Россия-хартленд — к морскому побережью, и вся ее «политическая история была... вдохновлена поисками океана» [4. С. 191], а атлантические державы, контролируя острова от Британии до Японии, стремились расширить свое влияние вглубь Евразии.

Распад СССР породил у ряда американских геополитиков ложное представление, что сбылась мечта Спикмена и анаконда удавила недоступный для военного вторжения хартленд. Одни из них торжествовали, считая, что атлантическая модель победила и истории пришел конец (Ф. Фукуяма). Другие увидели переход от биполярного мира к униполю (монополярному миру),

куда англо-саксонские державы Атлантики на всем протяжении XX века втягивали Западную Европу и страны Дальнего Востока, а теперь, для окончательного закрепления своего первенства в мировой политике, осталось затянуть в униполь Россию [15. С. 27–44]. Однако, вопреки этим расчетам, основанным на мифологических конструктах, все идет совсем не так. А результатом скрупулезных увязываний политики и пространства в духе западного мессианизма стало появление российской геополитической доктрины, известной как евразийство.

Истоки евразийства довольно разнородны. Самое раннее из программных высказываний, ориентирующих Россию на освоение малонаселенных территорий северо-восточной Евразии, было высказано в 1763 году М.В. Ломоносовым: он выразил беспокойство возможным окружением России, чему, посредством колонизации северо-восточной Евразии, надеялся положить предел [7. С. 422]. Примечательно, что в предисловии своего труда Ломоносов обращается к наследнику престола Павлу Петровичу, перечисляя все его зарубежные титулы — «герцогу шлезвиг-голстинскому, стормарнскому, дитмарсенскому, графу олденбургскому и делменгорстскому, наследнику норвежскому», но ориентирует его «как флотов российских генерала-адмирала» не на западные моря атлантического бассейна, а исключительно на северо-восток [7. С. 419]. «Таким образом, путь и надежда чужим пресечется, российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» [7. С. 498]. Обычно это высказывание приводится в усеченном виде, и из него трудно понять, что именно обеспечение контроля над евразийским северо-востоком Ломоносов считал важнейшим фактором безопасности России.

На этой основе В.И. Ламанский спустя сто лет сформулировал основные принципы евразийской концепции. Очертания выделенного им «среднего мира», противостоящего в культурном и географическом отношении «романо-германскому миру» (западноевропейский полуостров Евразии) и «собственно азиатскому миру» [6. С. 185, 229], примерно соответствуют той территории, которую в дальнейшем стали именовать евразийским миром [8], т.е. Евразия была определена не как географическое понятие, а как социально-политическая категория. Идеи Ламанского о прямой связи между пространственными различиями и политическим противостоянием европейского Запада и Востока продолжали цивилизационный подход Н.Я. Данилевского и стали своеобразным ответом с Востока на агрессивную устремленность геополитических концепций англо-саксонской и германской школ. Усилиями Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого и их единомышленников преимущественно цивилизационная компонента Данилевского и Ламанского была замещена на геополитическую. Так, один из самых последовательных евразийцев Савицкий относил евразийство к геополитике, писал работы, в названии которых использовал этот термин [11], и в его переписке встречаются выражения «как геополитик я предвижу» [13].

В 1930-е годы становилось все более очевидным стремление западных геополитиков теоретически обосновать необходимость прямого или косвенного контроля над Россией. В этом отношении концепции хартленда и *Lebensraum* дополняли как историческое соперничество Западной и Восточной Европы, так и их идеологическое противостояние. В результате менялись акценты евразийства: геокультурное и геоэкономическое понимание России-Евразии все больше политизировалось, становилось почти неотличимым от базовых принципов геополитики, согласно которым примат пространства предопределяет все политические действия. Если для первого поколения евразийцев основной задачей было объяснение аксиологии пространства Евразии, посредством чего они стремились определить политическое место России в мире, то их преемники, «левые евразийцы», начиная со Д.П. Святополк-Мирского, а затем и развивавший евразийские идеи в рамках собственной оригинальной концепции Л.Н. Гумилев более решительно противопоставили евразийское пространство западному в социально-политическом контексте. Их основной посыл состоял в противостоянии западной геополитической мысли, основывающейся, с одной стороны, на распространенном на Западе материалистическом индивидуализме, а, с другой, на материалистическом коллективизме, который, через марксизм, проник и стал активно внедряться на Востоке.

Взамен евразийцы предлагали создать в России симфоническое общество идеократического типа на основе исторической близости евразийских социумов и их традиционных ценностей: евразийцы считали, что сродство евразийских обществ обусловлено ощущением созвучности их культурного ритма, что является надежной гарантией единства России-Евразии. По замыслу евразийцев, противостоящий Западу политический проект международного субъекта России-Евразии должен состоять в гармоничном совмещении духовных и хозяйственных основ общественного бытия (социальная симфония). Вот к чему призывала Декларация, принятая на Первом съезде Евразийской организации в 1932 году: «XI. Евразийскому государству евразийцы ставят два задания: а) задачу организации жизни особого мира России-Евразии; б) задачу духовной и экономической эмансипации трудящихся. XII. Средство к осуществлению обоих заданий евразийцы видят в построении государственно-частной системы хозяйства. В ней государственное хозяйство и государственный план кладутся во главу угла. То и другое направлено: 1) на укрепление экономической независимости России-Евразии; 2) на обеспечение интересов трудящихся» [4. С. 2–3].

Свою основную задачу евразийцы видели в правильном обустройстве государства и не рассчитывали решать внутренние проблемы общества путем внешней агрессии. Из принятых евразийцами очертаний границ России-Евразии, которые в принципе соответствовали территории СССР, видно, что их устремления не были направлены на захват территорий евразийских окраин, удушение их посредством окружения или захвата стратегически важных мест

в центре регионов. В то же время евразийцы категорически не разделяли интернациональный глобализм коммунистов, которым идея измерять политику пространством была чужда, так как они проверяли ее идеологией, призывая «дойти до Ганга» и подчинить себе для начала весь евразийский континент «от Японии до Англии». В конце 1930-х годов евразийство вступило в длительную полосу кризиса, связанную с переходом части его членов на коммунистические позиции.

С 1960-х годов во многом созвучные евразийцам идеи стал излагать Л.Н. Гумилев, который определял себя как евразийца [2. С. 79–80]. Но концепция Гумилева, основанная на его самобытном учении о пассионарности, поновому освещала социальные процессы в России. Опираясь на теорию А.Л. Чижевского, пытавшегося увязать социальные процессы с космическими явлениями [19], и концепцию ноосферы В.И. Вернадского [1. С. 200–202], Гумилев пытался вывести евразийство из его «законного» геополитического поля, но не слишком в этом преуспел. Несмотря на категориальное родство гумилевского «вмещающего ландшафта» и евразийского «месторазвития», их природа объяснялась по-разному. Предложенные Гумилевым космологические причины социально-политической жизни Евразии плохо сочетались с географическими и культурно-историческими обоснованиями его предшественников, поэтому его учение было отгеснено на периферию научного знания.

В геополитику евразийство в 1990-е годы вернул А.Г. Дугин, причем поместил его туда буквально, войдя тем самым в противоречие с большинством евразийцев, которые не были солидарны с Савицким и, в силу западной коннотации термина «геополитика», старались не употреблять это понятие. Дугин в рамках своего неоевразийства «отождествляет евразийство с континентализмом» и теллуократией [3], т.е. не только вводит евразийство в западный геополитический дискурс (что теоретически допустимо), но и придает ему совершенно западную интерпретацию, что идет вразрез с евразийской традицией. Переход на западное толкование привел Дугина к смене базовой мифологии: от такой особенности евразийства, как «напряженный мистико-историософский порыв с не менее ярко выраженным конкретно-историческим» положением России [12], он, в своих рассуждениях о противостоянии теллуократии и талассократии, перешел, по сути, к мало занимавшей его предшественников библейской мифологии борьбы сухопутного чудовища левиафана и морского чудовища бегемота.

Что касается политических следствий возрождения с 1990-х годов интереса к евразийству, то это не столько появление сравнительно мало известных движений и партий, сколько реализация проектов, ориентированных на политическое и военное объединение евроазиатских территорий бывшей Российской империи и СССР, причем напрямую с идеями евразийства эти проекты не увязываются. Впрочем, и атлантисты не были склонны связывать идеи Мэхэна и Макиндера с северо-американо-западноевропейской военной и политической интеграцией. Отметим, что два противостоящих направления,

ранее существовавшие лишь в виде концептов, обрели институциональные воплощения (сначала атлантизм, а затем, в качестве ответа, и евразийство).

Атлантический проект, воплотившийся после подчинения США прибрежных стран европейского Запада в формате подконтрольного им военного альянса НАТО, а затем и ЕЭС, формально противостоял СССР и его союзникам не столько как феномену континентальной геополитики, сколько как своему классовому врагу. Причем, борясь с коммунистическими государствами и их идеологией, руководители западных стран тем самым косвенно подтверждали марксистское разделение человечества на классы и учение о неизбежности борьбы между ними. В дальнейшем, когда коммунистические режимы в Восточной Европе пали и классовое противостояние потеряло актуальность, Запад вернулся в привычное для себя геополитическое поле. Упорную неподатливость России, не желающей подчиняться очередным гегемонам, вновь стали объяснять посредством «вневременной истины»: величайшая опасность для Запада может исходить лишь из Евразии [25. С. 31]. Свой ответ российское руководство также предпочло представить в геополитической — евразийской — упаковке (ЕврАзЭС и ЕАЭС).

Хотя Евросоюз (пришедший на смену ЕЭС) и ЕАЭС заменили ранее существовавшее в этой части света противостояние капиталистического ЕЭС и коммунистического СССР, превращение их программных установок в идеологию маловероятно. В настоящее время они представляют собой политические проекты, хотя и конкурирующие друг с другом, но основанные не на антагонистических ценностях. Из этого следует, что градус конфликта атлантизма и евразийства в теоретическом и практическом отношении сравнительно невысок. Впрочем, столь же невысоки шансы прекращения этого конфликта в ближайшем будущем, так как стремящаяся к многополярному миру Россия в лице своего руководства отрицает гегемонизм. Более того, полемика по поводу роли и даже необходимости НАТО, ведущаяся по обе стороны Атлантики [28], является показателем стремления руководства ЕС пересмотреть значение атлантизма в пользу политического реализма, основанного на национальных интересах.

Информация о финансировании

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 19-18-00165.

Библиографический список

- [1] Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.
- [2] Гумилев Л.Н. Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только через евразийство // Социум. 1992. № 9.
- [3] Дугин А. Многополярность и неоевразийство. 2016 // URL: <https://www.geopolitica.ru/article/mnogopolynost-i-neoevraziystvo>.
- [4] Евразийство. Декларация, формулировка, тезисы. Прага, 1932.
- [5] Коган П. Лирическое отступление (из романа в стихах) // Советские поэты, павшие на Великой Отечественной войне. М., 1965.

- [6] *Ламанский В.И.* Три мира Азийско-Европейского материка // *Ламанский В.И.* Геополитика панславизма. М., 2010.
- [7] *Ломоносов М.В.* Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Полное собрание сочинений. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. Т. 6. М.-Л., 1952.
- [8] Мир России — Евразия. М., 1995.
- [9] *Мэхэн А.Т.* Влияние морской силы на историю, 1660–1783 гг. М., 2011.
- [10] *Никиши Э.* Жизнь, на которую я отважился. Встречи и события. СПб., 2012.
- [11] *Савицкий П.Н.* Геополитические заметки по русской истории // *Вернадский Г.В.* Начертание русской истории. СПб., 2000.
- [12] *Савицкий П.Н.* Переписка с представителями евразийского течения по редакционно-издательским, агитационным вопросам и вопросам личного характера. 28 июля 1928 — 14 марта 1928. ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 366. Л. 75.
- [13] *Савицкий П.Н.* Письмо 1932 г. к В.Н. Иванову. ГА РФ. Ф. 5783 Оп. 1. Д. 1.
- [14] *Спикмэн Н.Дж.* География и внешняя политика // Известия ТГУ. Гуманитарные науки. 2014. Вып. 4. Ч. 1.
- [15] *Страус А.Л.* Униполярность. Концентрическая структура нового мирового порядка и позиция России // Политические исследования. 1997. № 2.
- [16] *Трубецкой Н.С.* Европа и человечество. София, 1920.
- [17] *Татищев В.Н.* История Российская съ самых древнѣйшихъ временъ. Кн. 1. Ч. 2. М., 1769.
- [18] *Хаусхофер К.* Континентальный блок: Центральная Европа — Евразия — Япония // *Хаусхофер К.* О геополитике. М., 2001.
- [19] *Чижевский А.Л.* Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1924.
- [20] *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. М., 1991.
- [21] *Cohen S.B.* Geography and Strategy: Their Interrelationship. A Lecture Delivered at the Naval War College on 17 September 1957. Newport, 1957.
- [22] *Cohen S.B.* Geography and Politics in a World Divided. N.Y., 1963.
- [23] *Evelyn J.* Navigation and Commerce, Their Original and Progress. Containing a Succinct Account of Traffick in General. L., 1674.
- [24] *Goblet Y.M.* Political Geography and the World Map. N.Y., 1955.
- [25] *Gray C.S.* In defense of the heartland: Sir Halford Mackinder and his critics years on // *Global Geostrategy: Mackinder and the Defense of the West.* L., 2005.
- [26] *Kirk W.* Geographical Pivots of History. Leicester, 1965.
- [27] *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. L., 1919.
- [28] *Macron E.* Emmanuel Macron warns Europe: NATO is becoming brain-dead // *Economist.* November 7, 2019.
- [29] *Meinig D.W.* Heartland and rimland in Eurasian history // *Western Political Quarterly.* 1956. Vol. 9. No. 3.
- [30] *Ritter C.* Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie und Abhandlungen zur Begründung einer mehr wissenschaftlichen Behandlung der Erdkunde. Berlin, 1852.
- [31] *Schmitt C.* Das Meer gegen das Land // *Wochenzeitung “Das Reich”* vom 9 März 1941.
- [32] *Sörgel H.* Europa-Afrika: ein Weltteil // *Sozialistische Monatshefte.* 1931. No. 37. H. 10.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-1-139-153

Eurasianism and geopolitics: Social mythologemes of space*

K.V. Radkevich, A.V. Shabaga

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: radkevich@rambler.ru; schabaga@gmail.com)

Abstract. The article considers the origins of Eurasianism as a Russian social doctrine that emerged as an answer to the Western geopolitical concepts, in particular of the Anglo-Saxon and German geopolitical schools. Both concepts serve to justify social institutions and associations based on the difference between the spaces of the Eastern and Western parts of Eurasia. The authors argue that geopolitics of both the Western-European and Eastern-European types is based on mythologemes which claim to be of scientific importance but are not capable of achieving this status. The article shows that both theories claim (1) the invention of an ideal timeless homeland of society on the basis of a mythological interpretation of space; (2) possession of sacred knowledge (through the sacralization of space) which is actually profane. The key difference between Western geopolitical schools (Anglo-Saxon and German) and Eurasianism is the proposed connection between space and a specific society. Geopolitics proceeds from the constant spatial opposition as a factor of social-political competition. The geopolitical assessment of reality is based on the need to attack the ‘alien’ space due to its initial, ‘natural’ hostility. The geopolitical hostility and even aggressiveness contradicts the defensive nature of Eurasianism which declares that space unites peoples with similar values; therefore, their societies should defend their ‘space of development’ from the encroachments of the Western countries. Thus, Atlanticism as a global project of the contemporary Western geopolitics fundamentally contradicts Eurasianism which does not accept hegemonism and supports the principle of a multipolar world; today, the level of conflict between these projects is not high, although there are no prospects for this conflict resolution.

Key words: political sociology; social mythologemes of space; Eurasianism; Western geopolitics; Atlanticism; hermeneutics of geopolitics; space of development

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 19-18-00165.

References

- [1] Vernadsky V. *Nauchnaya mysl kak planetnoe yavlenie* [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. Moscow; 1991. (In Russ.).
- [2] Gumilev L.N. Skazhu vam po sekretu, chto esli Rossiya budet spasena, to tolko cherez evraziystvo [I will tell you a secret that is Russia is to be saved, it will be only through Eurasianism]. *Sotsium*. 1992; 9. (In Russ.).
- [3] Dugin A. Mnogopolyarnost i neoevraziystvo [Multipolarity and neo-Eurasianism]. 2016. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/mnogopolyarnost-i-neoevraziystvo>. (In Russ.).
- [4] *Evraziystvo. Deklaratsiya, formulirovka, tezisy* [Eurasianism. Declaration, Formulation, Theses]. Prague; 1932. (In Russ.).
- [5] Kogan P. Liricheskoe ostuplenie (iz romana v stihah) [[Lyrical digression (from the novel in verse)]. *Sovetskie poety, pavshie na Velikoy Otechestvennoy voyne*. Moscow; 1965. (In Russ.).
- [6] Lamansky V.I. Tri mira Aziysko-Evropeyskogo materika [Three worlds of the Asian-European continent]. Lamansky V.I. *Geopolitika panslavizma*. Moscow, 2010. (In Russ.).

* © K.V. Radkevich, A.V. Shabaga, 2021

The article was submitted on 11.10.2020. The article was accepted on 03.12.2020.

- [7] Lomonosov M.V. Kratkoe opisanie raznikh puteshestvii po severnim moryam i pokazanie vozmojnogo prokhodu Sibirskim okeanom v Vostochnuyu Indiyu [A brief description of various voyages in the northern seas and an indication of the possible passage through the Siberian Ocean to East India]. Lomonosov M.V. *Polnoe sobranie sochineniy. Trudi po russkoy istorii, obshchestvenno-ekonomicheskim voprosam i geografii*. Vol. 6. Moscow-Leningrad; 1952. (In Russ.).
- [8] *Mir Rossii — Evraziya* [The World of Russia is Eurasia]. Moscow; 1995. (In Russ.).
- [9] Mahan A.T. *Vliyaniye morskoy sili na istoriyu 1660-1783 gg.* [The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783]. Moscow; 2011. (In Russ.).
- [10] Niekisch E. *Zhizn na kotoruyu ya otvazhilsya. Vstrechi i sobitiya* [Daring Life. Encounters and Events]. Moscow–Saint Petersburg; 2012. (In Russ.).
- [11] Savitsky P.N. Geopoliticheskie zametki po russkoi istorii [Geopolitical notes on Russian history]. Vernadsky G.V. *Nachertaniye russkoi istorii*. Saint Petersburg; 2000. (In Russ.).
- [12] Savitsky P.N. Perepiska s predstavitel'yami evraziiskogo techeniya po redaktsionno-izdatelskim, agitatsionnim voprosam i voprosam lichnogo kharaktera. 28 iyulya 1928 — 14 marta 1928 [Correspondence with representatives of the Eurasian movement on editorial, publishing, campaigning and personal matters. July 28, 1928 — March 14, 1928]. GA RF. F. 5783. Op. 1. D. 366. L. 75. (In Russ.).
- [13] Savitsky P.N. Pismo 1932 g k V.N. Ivanovu [Letter from 1932 to V.N. Ivanov]. GA RF F. 5783 Op. 1. D. 1. (In Russ.).
- [14] Spykman N.J. Geografiya i vneshnyaya politika [Geography and foreign policy]. *Izvestiya TGU. Gumanitarnie Nauki*. 2014; 4. Ch. 1. (In Russ.).
- [15] Strauss I.L. Unipolyarnost. Kontsentriruyemaya struktura novogo mirovogo poryadka i pozitsiya Rossii [Unipolarity. The concentric structure of the new world order and Russia's position]. *Political Studies*. 1997; 2. (In Russ.).
- [16] Trubetzkoy N.S. *Evropa i chelovechestvo* [Europe and Humanity]. Sofia; 1920. (In Russ.).
- [17] Tatishchev V.N. *Istoriya Rossiiskaya s samikh drevneishikh vremen*. Kn. 1. Ch. 2 [Russian History from the Ancient Times. Book 1. Part 2]. Moscow; 1769. (In Russ.).
- [18] Haushofer K. Kontinentalny blok Tsentralnaya Evropa — Evraziya — Yaponiya [The continental block: Central Europe, Eurasia, Japan]. Haushofer K. *O geopolitike*. Moscow; 2001. (In Russ.).
- [19] Chizhevsky A.L. *Fizicheskie faktori istoricheskogo processa* [Physical Factors of Historical Process]. Kaluga; 1924. (In Russ.).
- [20] Jaspers K. Istoki istorii i ee tsel [The origin and goal of history]. Jaspers K. *Smisl i naznachenie istorii*. Moscow; 1991. (In Russ.).
- [21] Cohen S.B. *Geography and Strategy: Their Interrelationship*. A Lecture Delivered at the Naval War College on 17 September 1957. Newport; 1957.
- [22] Cohen S.B. *Geography and Politics in a World Divided*. New York; 1963.
- [23] Evelyn J. *Navigation and Commerce, their Original and Progress. Containing a Succinct Account of Traffick in General*. London; 1674.
- [24] Goblet Y.M. *Political Geography and the World Map*. New York; 1955.
- [25] Gray C.S. In defense of the heartland: Sir Halford Mackinder and his critics years on. *Global Geostrategy: Mackinder and the Defense of the West*. London; 2005.
- [26] Kirk W. *Geographical Pivots of History*. Leicester; 1965.
- [27] Mackinder H.J. *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. London; 1919.
- [28] Macron E. Emmanuel Macron warns Europe: NATO is becoming brain-dead. *Economist*. November 7, 2019.
- [29] Meinig D.W. Heartland and rimland in Eurasian history. *Western Political Quarterly*. 1956; 9 (3).
- [30] Ritter C. *Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie und Abhandlungen zur Begründung einer mehr wissenschaftlichen Behandlung der Erdkunde*. Berlin; 1852.
- [31] Schmitt C. Das Meer gegen das Land. *Wochenzeitung "Das Reich"* vom 9 März 1941.
- [32] Sörgel H. Europa-Afrika: ein Weltteil. *Sozialistische Monatshefte*. 1931; 37 (10).